

О. ГЕНРИ

ОПАСНОСТИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г34

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Г34 **Генри, О.**

Опасности большого города : [сборник рассказов : перевод с английского] / О. Генри. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-181174-7

Рассказы О. Генри не нуждаются в рекламе. Каждая история — словно отражение жизни в зеркале, иногда реалистичном или слегка приукрашивающем монотонную реальность, а иногда и кривом, выпячивающем человеческие пороки. Но неизменно каждая новелла и микрорассказ наполнены неповторимым жизнелюбием автора.

В книгу вошли сборники «О. Генриана», «Постскрипты», избранные рассказы из циклов «Еще раз О. Генри» и других.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-181174-7

© Перевод. М. Богословская, 2026
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2025
© Перевод. М. Лорие, 2026
© Перевод. О. Мышакова, 2025
© Перевод. В. Топер, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

О. ГЕНРИАНА¹ /1920/

Лунный эпизод

Пейзаж отличала сверхъестественная жуткость. Высокие фантастические горы вздымали свои морщинистые вершины над унылой пустынностью вулканических пород и испепеленных потоков застывшей лавы. Глубокие озера черной воды хранили стеклянную неподвижность под угрюмыми в ячейх темных провалов отрогами, с которых время от времени зловеще скатывались крошащиеся обломки. Никаких растений. Царство лютого холода, где черные бесформенные кряжи теснили горизонт со всех сторон. На фоне фиолетового неба маячил погасший вулкан, черный как ночь и древний как мир.

Небосвод был усажен огромными звездами, но свет их был бледным и призрачным. В зените висел пояс Ориона.

Альдебаран слабо светился в миллионах миль отсюда, а Земля, будто едва взошедшая луна, багровела пугающе кровавым ореолом.

¹ © Перевод. И. Гурова, наследники, 2011.

На величавой горе, которая нависала над чернильно-черным морем, виднелось сложенное из камней жилище. Из его единственного окна лился яркий свет, ложившийся бликами на уродливые скалы. Дверь распахнулась, и из нее появились двое мужчин, сцепившихся в смертельной схватке.

Они раскачивались и сливались на краю пропасти, и то один начинал брать верх, то другой.

Оба были силачами, и камни срывались из-под их ног в ущелье, в их устремлении одолеть противника.

Наконец один одержал победу. Он схватил врага, высоко поднял над головой и швырнул в пространство.

Побежденный пролетел по воздуху, будто камешек, пущенный из рогатки в направлении светозарной Земли.

— Третий за неделю, — сказал Человек На Луне, закуривая сигарету и поворачиваясь к двери. — Эти нью-йоркские интервьюеры всю душу из меня вымотают, если не отвяжутся в ближайшее время.

Три абзаца

— Материал! — возопил у двери мальчишка-рассыльный из типографии. Лежащая в кровати больная женщина начала бесцельно водить пальцами по старенькому одеялу. Ее глаза блестели от жара, лицо, когда-то красивое, исхуда-

ло, изможденное болью. Она умирала, но ни она, ни мужчина, который держал ее руку и писал в блокноте, не знали, что конец уже так близок.

В юмористическом столбце не хватало трех абзацев, и метранпаж прислал за ними. Жалкой платы, которую они получали за эту работу, едва доставало, чтобы обеспечивать им кров над головой и еду. На лекарства не хватало, но нужда в них почти отпала.

Мысли женщины блуждали, она говорила быстро, не умолкая, и мужчина покусывал карандаш, глядя на блокнот и держа ее тонкую горячую руку.

— Ах, Джек, Джек, папа говорит «нет». Я не могу уехать с тобой. Не должна любить тебя! Джек, ты хочешь разбить мое сердце? Ах, взгляни, взгляни, луга такие волшебные, все в цветах. Почему у тебя нет льда? Когда я жила дома, у меня был лед. Ты не мог бы дать мне самый маленький кусочек, у меня горло огнем горит.

Юморист написал: «Если мужчина на пикнике сунет кусочек льда за шиворот девушке, не обдал ли он ее холодом?»

Женщина лихорадочно отбросила с горящего лица каштановые пряди разметавшихся пышных волос.

— Джек, Джек, я не хочу умирать! Кто это лезет в окно? А, это всего лишь Джек, а здесь тоже Джек держит мою руку. Как забавно! Вечером мы пойдем к реке. К тихой, широкой. Крепче держи мою руку, Джек. Я чувствую, как вода под-

нимается. Она такая холодная. Как странно быть мертвой и видеть над собой деревья!

Юморист написал: «Мертвый сезон — лето на кладбище».

— Материал, сэр! — снова завопил мальчишка. — Через полчаса кончат набирать.

Мужчина разгрыз карандаш. Рука, которую он держал, становилась прохладнее... конечно, конечно же, ее жар спадает! А она запела воркующую песенку, которую, наверное, выучила на коленях у матери, и ее пальцы перестали двигаться.

— Мне говорили, — сказала она совсем слабым голосом и печально, — что меня ждут печаль и страдания, если я послушаюсь родителей и выйду за Джека. Ах, как болит голова, я не могу думать. Нет, нет, белое платье с кружевными рукавами, а не этот черный ужас! Плыдем, плывем, плывем... куда течет река? Ты не Джек, ты слишком холодный и суровый. Что за красное пятно у тебя на лбу? Пойдем, сестричка, сплетем венки из маргариток, а тогда побежим домой, над нами такая большая черная туча — мне к утру станет лучше, Джек, если ты будешь крепко держать мою руку. Джек, я чувствую себя легкой, как пушинка, я парю, парю все выше к туче и не чувствую твоей руки. А я вижу, это она, а в лице у нее вся прежняя любовь и нежность. Я должна идти к ней, Джек. Мама! Мама!

Мужчина быстро написал: «Теща ее мужа обычно нравится женщине больше всех остальных его родственников».

Затем он метнулся к двери, сунул столбец в руку мальчишки и стремительно вернулся к кровати.

Он бережно просунул руку под каштановую голову, которая столько страдала, но она тяжело отвернулась.

Жар исчез. Юморист был в комнате один.

Друг Булгера

Вот уж удовольствия было для кое-каких обитателей городка, когда старик Булгер поступил в Армию спасения. Булгер был городским чудачком, эксцентричным старым бездельником и прирожденным врагом общепринятых правил поведения. Жил он на берегу ручья, делившего городок пополам, в поразительной хижине его собственной постройки, сооруженной из выбракованных бревен, вагонетки, жестяных полос, парусины и волнистого железа.

Самые предприимчивые мальчишки обходили резиденцию Булгера на почтительном расстоянии. Он не терпел посетителей и отваживал любопытных воинственной и бурчащей негостеприимностью. В отместку про него говорили, что он не в здравом уме, вроде бы колдун и скряга с несметным количеством золота, закопанным у него в хижине или вблизи нее. Старик подрабатывал прополкой огородов, побелкой заборов и тому подобным, а еще он собирал по закоулкам и дворам старые кости, обрезки металла и бутылки.

Как-то в дождливый вечер, когда Армия спасения проводила малолюдное собрание у себя в зале, появился сам Булгер и попросил дозволения вступить в их ряды. Командующий сержант приветствовал старика с ободряющим отсутствием предубежденности, которое отличает воинствующих миротворцев его ордена.

Булгеру к его явной, хотя и угрюмо выраженной радости тут же была определена должность при турецком барабане. Возможно, сержант, близко к сердцу принимавший успехи своего командования, понимал, каким немалым свидетельством успешного ведения войны будет такое выставление напоказ нового рекрута. Пусть и не ярко пылающее полено, про которое писал поэт Гудвин, но все-таки хорошо обугленный с выпарившимися соками чурбак.

И вот каждый вечер, когда Армия шла маршем от своих казарм к уличному углу, где проводились службы под открытым небом, Булгер ковылял с турецким барабаном за сержантом и капралом, которые в унисон гудели на своих кларнетах «Прости-прощай» и «Только броненосец». И никогда еще в этом городке не колошматили турецкий барабан с такой звучностью. Булгер умудрялся бить по своему инструменту в такт с кларнетами, но вот ступни его были всегда прискорбно неритмичными. Он шаркал и спотыкался и раскачивался из стороны в сторону, будто медведь.

Бесспорно, он не ласкал взор, этот сгорбленный неуклюжий старик со скособоченным ли-

цом в морщинах, точно иссохшая черносливина. Красная рубаша, знаменовавшая его принятие в ряды, облегла его слишком широко, будучи внешней оболочкой капрала-колосса, скончавшегося некоторое время тому назад. Это одеяние ниспадало с Булгера свободнейшими складками. Его старая коричневая кепка была всегда низко надвинута на один глаз. Все, вкупе с его переваливающейся походкой, придавало ему сходство с какой-то огромной обезьяной, пойманной и кое-как обученной ходьбе на задних лапах, а также зачаткам музграмоты.

Пустоголовые мальчишки и недоразвитые мужчины, которые собирались на уличные службы Армии, без конца допекали Булгера. Они требовали от него устных доказательств умения разговаривать и критиковали стиль и технику его барабанных выступлений. Но старик не обращал ни малейшего внимания на их издевки. Он вообще редко говорил с кем-либо, за одним исключением, когда, приходя и уходя, ворчливо приветствовал своих товарищей.

Сержант навидался странных личностей всех толков и знал, как к ним подходить. Он позволил новобранцу некоторое время вести себя на свой молчаливый лад. Каждый вечер Булгер появлялся в зале, маршировал по улице с отрядом, а затем назад. После чего он водворял свой барабан в отведенный ему угол и садился на заднюю скамью в глубине зала, где и высиживал до конца собрания.

Но как-то вечером сержант вышел следом за стариком наружу и положил руку ему на плечо.

— Товарищ, — сказал он, — с вами все хорошо?

— Пока еще нет, сержант, — сказал Булгер. — Я еще только стараюсь. Я рад, что вы вышли со мной наружу. Я все хотел вас спросить: вы верите, что Господь примет человека, коли он придет к Нему поздно, вроде как прибегнет к последнему средству, понимаете? Например, человек все потерял — и дом, и имущество, и друзей, и здоровье. Это не будет выглядеть подлым — ждать до последнего, и только тогда обратиться к Нему?

— Благословенно имя Его, нет! — сказал сержант. — «Приидите ко Мне все обремененные» — вот что говорит Он. Чем беднее, чем несчастнее, чем злополучнее, тем больше Его любовь и прощение.

— Да, я беден, — сказал Булгер. — Страшно беден и несчастен. Знаете, когда мне лучше всего думается, сержант? Когда я бью в барабан. В любое другое время у меня в голове вроде бы какое-то бестолковое грохотание. А барабан вроде бы умиряет его и успокаивает. Есть одно, в чем я стараюсь разобраться, но пока не получается.

— Вы молитесь, товарищ? — спросил сержант.

— Да нет, — сказал Булгер. — Толку-то что? Я знаю, в чем зацепка. Где-то ведь сказано, чтоб

человек оставил свою семью или там друзей и служил бы Господу?

— Если они встанут у него на пути, только тогда.

— Семьи у меня нет, — продолжал старик, — и друзей тоже нет... кроме одного друга. И вот он-то и ведет меня к гибели.

— Освободись! — вскричал сержант. — Он не друг, а враг, который стоит между тобой и спасением!

— Нет, — ответил Булгер убежденно, — не враг. А самый лучший друг, какой только был у меня в жизни.

— Но вы же говорите, что он ведет вас к гибели!

Старик сухо усмехнулся:

— И держит меня в лохмотьях, понуждает питаться объедками и спать, будто собака, в развалюхе-конуре. И все-таки друга лучше у меня никогда не было. Вы не понимаете, сержант. Потеряешь всех своих друзей, кроме лучшего, и тогда понимаешь, как держаться за последнего.

— Вы пьете, товарищ? — спросил сержант.

— Ни капли за двадцать лет, — ответил Булгер, свергнув сержанта в недоумение.

— Если этот друг стоит между вами и миром вашей души, откажитесь от него! — вот и всё, что он нашелся сказать.

— Не могу... пока, — сказал старик хнычущим голосом. — Но вы позволяйте мне бить в барабан, сержант, и, может, со временем я сумею. Я же

стараюсь. Иногда я уже почти думаю, что вот еще десяток ударов по барабану — и дело с концом. Вот уж вроде я совсем готов, и вот тут всё насмарку. Вы же дадите мне еще время, верно, сержант?

— Сколько захотите, и да благословит вас Бог, товарищ. Грохочите, пока не выбьете верную ноту.

После этого разговора сержант часто взывал к Булгеру:

«Время, товарищ? Забили уже этого вашего друга?»

Ответ всегда был неудовлетворительным.

Как-то вечером на уличном углу сержант громко помолился о том, чтобы некий товарищ, пребывающий в борениях, был освобожден от врага, который под личиной дружбы сбивает его с пути истинного. Булгер, внезапно и явно всполошившись, тут же отдал барабан собрату-волонтеру и поспешно зашаркал прочь по улице. На следующий вечер он вернулся в зал, никак не объяснив свое странное поведение.

Сержант так и эдак прикидывал, что всё это могло значить, и воспользовался случаем более подробно расспросить старика о влиянии, которое препятствует воцарению мира в его душе, хотя она, видимо, этого жаждет. Но Булгер тщательно уклонялся от конкретных ответов.

— Это мой собственный бой, — сказал он. — И я сам должен все продумать. Никто другой не поймет.

Зима 1892 года выдалась на Юге достопамятной. Холода стояли почти беспрецедентные,

и снег выпал слоем в несколько дюймов там, где раньше он вообще крайне редко белил землю. Это принесло множество страданий беднякам, которые не предвидели таких морозов. Маленький отряд Армейских спасителей сталкивался с большей горестью, чем мог бы облегчить.

Благотворительности в этом городке, хотя без промедления щедрой, не хватало организованности. Нужда в этом благоуханном и плодородном краю проявлялась лишь в единичных случаях, и практически всегда на помощь без шума приходили соседи. Но при внезапном губительном разгуле стихий — бурь, пожаров и потопов — помощь обездоленным страдальцам часто слишком замедлялась из-за отсутствия налаженной системы. А еще потому, что к благотворительности взывали слишком редко, и в привычку она не вошла. В такие времена Армия спасения оказывалась крайне полезной. Ее солдаты отправлялись в проулки и закоулки спасать тех, кто, не сталкиваясь прежде с крайней нуждой, не привык протягивать руку за милостыней.

После трех недель стужи выпал целый фут снега. Голод и холод поражали необеспеченных, и сто женщин, стариков и детей были собраны в помещениях Армии, где их согревали и кормили. Каждый день солдаты в синей форме появлялись в лавках и конторах городка и исчезали, собрав центы, десятицентовики и четвертаки на покупку еды для голодных. А в частные дома спасители, войдя, затем уходили с корзинками

провизии и одежды, пока день за днем ртуть все еще оставалась скорченной в нижней части шкалы термометров.

Увы! Бизнес, этот козел отпущения, впал в застой. Десятицентовики и четвертаки все с большей неохотой появлялись из ящичков касс, которые не позвякивали, когда их открывали. И все же в большом зале Армии печка оставалась раскаленной докрасна, а на длинном столе в его глубине всегда было можно найти по меньшей мере кофе, хлеб и сыр. Сержант и весь отряд мужественно сражались. Но наконец все наличные деньги были истрачены, а ежедневные сборы снизились до сумм, не соответствующих нуждам подопечных Армии.

Приближалось Рождество. В зале было пятьдесят детишек, а снаружи еще больше, кому этот праздник не обещал никаких радостей, кроме тех, которые могла дать им Армия. До сих пор никто из этих маленьких иждивенцев не был обделен самым необходимым, и они уже начали щебетать про елку — единственное яркое видение в серой монотонности года. Никогда еще с момента ее возникновения не бывало случая, чтобы Армия не приготовила елку и подарки для детей.

Сержант был обеспокоен. Он знал, что объявление «елки не будет» удручит сердечки под тонкими ситцевыми платишками и рваными курточками куда больше, чем ярость бури или скудость еды. Однако денег не хватало даже на ежедневную потребность в пище и топливе.

В ночь на двадцатое декабря сержант решил объявить, что рождественской елки не будет: казалось бессердечным допустить, чтобы детишки и дальше предавались приятным предвкушениям, набирающим всё большую силу.

Вечер выдался холоднее, а и так уже глубокий снег стал еще глубже из-за еще одной вьюги, принесенной свирепым, пронзительно завывающим северным ураганом. Сержант в намокших сапогах и с побагровевшей физиономией вошел в зал при наступлении темноты и снял свое изношенное пальто. Вскоре туда явился и верный отряд — женщины, плотно кутаясь в шали, мужчины, громко топая на крутых ступеньках крыльца, чтобы стряхнуть с ног облепивший их снег. После того как скудный ужин из холодного мяса, фасоли и хлеба был съеден и запит кофе, все в согласии с заведенным у них порядком пропели гимны и вознесли молитвы.

Далеко сзади среди теней сидел Булгер. Уже несколько недель его уши были лишены этого подспорья мыслительного процесса — гулких ударов по турецкому барабану. Его морщинистое лицо хранило выражение угрюмого недоумения. У Армии было слишком много хлопот, чтобы тратить время на ежедневные службы и марши. Смолкший барабан, знамена и кларнеты были убраны в каморку у верха лестницы.

Булгер приходил в зал каждый вечер и съедал ужин вместе с остальными. В подобную погоду о работе, которой обычно занимался старик,